ВТОРОЙ ФРОНТ

«Большая тройка» против глобалистского Карфагена

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ двадцать первого века — история пришла в движение. Её гигантские, заржавевшие за десятилетия механизмы с грохотом проворачиваются, перемалывая отжившие политические конструкции, низвергая в небытие вчерашних поводырей человечества, обнажая доселе скрытые системы управления странами и народами. То, что ещё недавно представлялось незыблемым, превращается в прах. То, что ещё вчера казалось немыслимым, обретает плоть и кровь.

Встреча лидеров трёх величайших держав современности — России, Соединённых Штатов Америки и Китайской Народной Республики — станет символическим рубежом, отделяющим одну историческую эпоху от другой.

Неважно, какие дипломатические формулы попали в итоговые документы. И не столь существенно, какие именно слова были произнесены за закрытыми дверями. Значение этого события шире дипломатической повестки.

Главное его значение в том, что три гипердержавы способны обсуждать устройство мира, исходя из собственных национальных интересов, без посредничества наднациональных институтов, без участия тех, кто ещё недавно претендовал на монопольное право определять судьбу человечества.

Мир, который на протяжении полувека превращали в единое управляемое пространство, вновь обнаруживает многообразие исторических воль. На месте так называемого Нового мирового порядка возникают могучие геополитические организмы, желающие действовать в собственных национальных интересах, а не в интересах абстрактного универсального человечества, а по факту — в интересах скрытого транснационального центра власти.

В результате этого грандиозного исторического превращения на наших глазах возникает Большой треугольник: Москва — Вашингтон — Пекин.

ЧТОБЫ ПОНЯТЬ значение происходящего, необходимо вспомнить, какой грандиозный проект стал господствовать над миром после запрограммированного ещё в начале 1970-х годов распада Советского Союза.

Этот проект получил торжественное наименование Нового мирового порядка. Его создатели и архитекторы из Даркстейта ("невидимого государства") обещали прекращение войн, постепенное исчезновение национальных границ, универсальные права человека, всеобщую экономическую интеграцию, свободное перемещение товаров, капиталов и людей.

Предполагалось, что национальные государства будут постепенно отмирать, уступая свои полномочия разнообразным международным институтам. Суверенитет стран объявлялся историческим пережитком, а культурные и национальные различия — источником зла, почвой для разногласий и конфликтов.

На смену многообразию человеческих цивилизаций должен был прийти единый мир, регулируемый общими правилами, с открытыми рынками и наднациональными механизмами управления. Мир без границ.

У этой глобалистской утопии существовала своя теология. Её священные понятия — "глобальное управление", "устойчивое развитие", "климатическая повестка", "зелёный переход", "инклюзивность", "примат общечеловеческих ценностей", "политика мультикультурализма", "защита прав сексуальных меньшинств", "гендерное равенство", "международная миграция", "эвтаназия" и, конечно же, "свобода". Под свободой понимался максимально широкий набор потребительских опций индивидуума.

При помощи мощнейшей системы глобалистских медиа традиционные представления о семье, национальной идентичности, исторической преемственности подвергались беспрецедентной атаке. Человека пытались оторвать от родины, народа, религии и прошлого. Пытались превратить в универсальную единицу потребления и объект манипулятивного цифрового управления.

ТАК БЫЛ ЗАПРОЕКТИРОВАН и частично синтезирован новый культурно-антропологический тип — человек-кочевник, гражданин мира, не связанный с предками и потомками, запутавшийся в бесконечной сети финансовых обязательств и микросоциальных связей.

Сегодня глобалистский проект частично осыпался. Однако его институциональные структуры, идеологические догмы и финансовые модели продолжают действовать.

Более того, в определённом смысле глобализм совершает удивительное историческое превращение. Транснациональная власть, претендовавшая на всемирность, стремительно локализуется. После двух инаугураций антиглобалиста Трампа главным оплотом глобализма стала территория Европы.

Так из тумана века сего поднялась на поверхность геополитическая химера — глобалистский Еврокарфаген, включающий в себя Канаду, Евросоюз, Норвегию, Британию, Молдавию и Украину.

Впрочем, ЕС изначально был задуман как грандиозная действующая модель Нового мирового порядка. Старая Европа, веками стоявшая на германо-романском и христианском фундаменте, подверглась мощнейшему культурному преобразованию.

Организованные миграционные потоки изменили этнический и социальный состав многих европейских городов, значительно разбавив коренное население. Новые гендерные и культурные нормы существенно подорвали традиционные представления о жизни.

Критика ЛГБТ*-повестки и миграционной политики представлялась признаком нравственной неполноценности и системно преследовалась.

Самая неприятная особенность Еврокарфагена заключается в том, что перспективы его политической консолидации связаны с военной проблематикой.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА под дланью Даркстейта бешено наращивают военные расходы, перестраивают промышленность на военные рельсы, увеличивают производство вооружений.

Логика такова, что теперь только война способна стать инструментом политического объединения Еврокарфагена. Война позволит добиться передачи дополнительных полномочий брюссельским структурам. Любую партию, выступающую против дальнейшей централизации Евросоюза, можно представить агентом влияния Москвы.

И тогда вместо обещанной расслабленной комфортабельной Европы возникнет милитаризированный макрорегион, опирающийся на централизованное управление, политическую дисциплину и перманентную военную мобилизацию.

Такой сценарий включает в себя войну как необходимый элемент будущего, что представляет опасность не только для России, и не только для попавших под брюссельское иго европейских народов, но и для всего человечества.

Встречу трёх лидеров в Шэньчжэне часто именуют новой Ялтой. При этом подразумевается, что представители великих держав собрались якобы для того, чтобы разделить планету на сферы влияния. Данная историческая аналогия представляется ошибочной.

Ялтинская конференция проходила в феврале 1945 года, когда исход Второй мировой войны был уже предрешён. Германия находилась на пороге военного разгрома. Союзники обсуждали не столько способы достижения победы, сколько устройство послевоенного мира. Ялта была конференцией победителей, определявших судьбу побеждённого противника.

Сегодня до победы над глобалистами ещё далеко. Гораздо точнее другая аналогия — Тегеран 1943 года.

Именно тогда Сталин, Рузвельт и Черчилль встретились, чтобы согласовать стратегию дальнейшей борьбы против общего врага. Союзники не испытывали друг к другу безграничного доверия. Их разделяли идеология и геополитические интересы. Каждый участник "Большой тройки" прекрасно понимал, что после разгрома Германии вчерашние союзники превратятся в соперников.

Но существовала крупная историческая задача, превосходившая их текущие разногласия: странам "Большой тройки" необходимо было уничтожить общего врага. Именно в Тегеране были согласованы важнейшие решения, связанные с открытием Второго фронта в Западной Европе. Пока Красная армия перемалывала главные силы вермахта на Востоке, союзники готовились нанести удар с другого направления.

Сегодня, разумеется, невозможно механически перенести обстоятельства 1943 года на современную политическую карту. Ни Россия, ни Китай, ни Соединённые Штаты не являются участниками единой антиглобалистской коалиции. Даже такие слова не произносятся. Однако сама историческая метафора чрезвычайно выразительна.

Первый фронт великого столкновения проходит по территории Украины. Этот конфликт никогда не напоминал территориальный спор двух государств. Он выходит и за рамки вопросов европейской безопасности. Это кровоточащий разлом между двумя разными представлениями о будущем мироустройстве. В его основе — онтологические противоречия между Даркстейтом и Россией.

Второй фронт, если он действительно откроется, будет не военным, а политическим, экономическим и идеологическим. Он пройдёт через финансовые институты, международные организации, цифровые платформы, технологические системы.

На этом фронте главный удар будет нанесён по структурам глобалистского центра, ещё недавно претендовавшего на управление человечеством. Транснациональная преступная группировка, контролирующая планетарную финансовую систему, мировые СМИ и большинство международных организаций, привыкла действовать под завесой "гуманистического тумана" (выражение Александра Блока).

Что ж, ветер перемен срывает покровы тайн!

В КОНЕЧНОМ СЧЁТЕ вместо агрессивного евроглобализма должна возникнуть Европа Отечеств. И здесь интересы России, Китая и Соединённых Штатов пересекаются. Каждая из трёх держав заинтересована в том, чтобы европейское пространство не превращалось в консолидированный военно-политический лагерь.

Теперь, когда спустя десятилетия после торжественного провозглашения "конца истории" (по Фукуяме) на историческую сцену вновь выходят великие державы, Новый мировой порядок заменяется на порядок Сверхновый. Глобализм был взвешен и найден слишком лёгким.

Формирующийся новый мир Многополярья не обещает человечеству безмятежного существования.

Вспомним период холодной войны. Тогда биполярный мир представлял собой сложнейшую систему экономического, идеологического и культурного соперничества двух сверхдержав. Он напоминал гигантские качели-балансир. На одном конце находился Советский Союз, на другом — Соединённые Штаты. Качели могли подниматься и опускаться. Иногда их движение становилось угрожающе резким, приближая человечество к ядерной катастрофе. Но сама конструкция сохраняла определённую предсказуемость. Каждый знал в лицо своего главного противника. Каждый понимал пределы допустимого риска. Существовали каналы связи, договоры, правила взаимного сдерживания.

Большой треугольник — Россия, Соединённые Штаты и Китай — образует гигантскую карусель. Она вращается с переменной скоростью, её оси испытывают колоссальные нагрузки, а движение трёх главных участников подчиняется сложнейшим законам притяжений и отталкиваний.

Самое поразительное заключается в том, что эта карусель способна внезапно остановиться и начать вращаться в противоположную сторону.

КАЖДЫЙ ВЗАИМОДЕЙСТВУЕТ с каждым. Каждый опасается каждого. Каждый стремится использовать противоречия двух других участников в собственных интересах.

В этой конструкции временное сближение двух держав неизбежно вызывает тревогу третьей. Союз двух против одного способен разрушить сложившееся равновесие. Но сама угроза подобного союза заставляет всех участников проявлять осторожность.

Так возникает феномен нового великого равновесия, в основе которого находится загадка трёх тел.

Причём стратегии наших "партнёров по треугольнику" принципиально различаются.

Соединённые Штаты — это недоношенное дитя западной цивилизации, страна невероятной энергии, стремительного технического развития, предпринимательской дерзости и политической нетерпеливости. Америка привыкла действовать быстро, нахрапом, решительно. Её политический темперамент не терпит длительных исторических пауз.

Трамп довёл эту национальную особенность до предельной черты. Его международная политика напоминает кавалерийскую атаку: внезапные заявления, торговые ультиматумы, тарифные удары, переговоры с позиции силы.

Однако подобная стратегия способна приносить результаты в отношениях с небольшими и изначально зависимыми государствами. С Ираном такой фокус не прошёл. А в Большом треугольнике подобное поведение вообще утрачивает какой-либо смысл.

Китайская стратегия совершенно иная. Это стратегия проникновения, охвата, постепенного экономического переваривания. Это повадка огромного водяного удава, который бесшумно подползает к своей жертве и начинает медленно обвивать её мощными изумрудными кольцами.

Пекин десятилетиями создавал производственные цепочки, торговые маршруты, инфраструктурные зависимости, кредитные механизмы.

На фоне этих долгих процессов экстренные меры Трампа порой выглядят суетливыми трепыханиями.

Но китайская стратегия представляет потенциальную опасность не только для Америки. Любое государство, слишком тесно привязавшее своё развитие к экономической машине Китая, рискует постепенно утратить свободу стратегического манёвра.

Поэтому России в треугольнике необходимо сохранять особую осторожность.

Ни Запад, ни Восток не должны становиться для России идолами. Россия обладает собственной цивилизационной парадигмой, собственными уникальными историей и географией, собственным предназначением.

Задача России в XXI веке — создать свой мир, свой макрорегион, свою котерию.

Самобытность и самодостаточность России способны сделать Большой треугольник устойчивой конструкцией, а не временной комбинацией двух конкурирующих гигантов.

Многополярный мир — это время больших и малых эгоизмов. Каждый полюс будет стремиться создать вокруг себя промышленность, энергетику, транспортные коридоры, финансовые системы, культурное пространство и военно-политические институты.

Небольшие страны неизбежно будут примыкать к крупным центрам силы. Сохранять независимость посредством маневрирования и сложной системы партнёрств уже не получится.

Вместо единого мирового рынка, подчинённого универсальным правилам, может возникнуть система частично пересекающихся экономических пространств.

Вместо одной технологической инфраструктуры — несколько конкурирующих стандартов.

ВМЕСТО УНИВЕРСАЛЬНОЙ финансовой системы — множество расчётных механизмов, основанных на цифровых валютах.

Вместо единой медиасреды — закрытые информационные пространства с различными правилами доступа и контроля.

В фантастическом романе Джорджа Оруэлла "1984" можно узреть тревожное предчувствие мира макрорегионов.

У Оруэлла планета разделена между тремя гигантскими сверхдержавами — Океанией, Евразией и Остазией. Союзы между ними постоянно меняются. Вчерашний противник становится союзником, вчерашний союзник — смертельным врагом.

Министерство правды непрерывно переписывает прошлое, корректирует сообщения о вчерашних событиях. За каждым человеком следят телескрины — специальные устройства, предназначенные для просмотра и для слежки. Эти системы фиксируют не только слова и поступки, но даже мимику граждан.

Это вам ничего не напоминает?!

Чтобы не попасть из мира Хаксли в мир Оруэлла, России необходимо позаботиться не только о внешнеполитической самостоятельности, но и о содержании собственного цивилизационного проекта.

На нас лежит колоссальная историческая ответственность. Нам недостаточно просто сохранить территорию, ресурсы и военно-политический суверенитет России. Именно сейчас в срочном порядке необходимо строить центр собственного цивилизационного развития.

России как воздух нужны собственные научные школы, вычислительные системы, энергетические технологии, транспортные коридоры, станкостроение, микроэлектроника.

Необходимо вернуть техническому прогрессу его великое созидательное содержание.

МИР АТОМНОЙ энергетики, космических исследований, новых материалов, роботизированных производств и искусственного интеллекта способен открыть перед Русской цивилизацией новые горизонты развития.

Россия не должна и не будет существовать исключительно как военно-энергетическая держава. Её историческая сила заключена в способности порождать новые смыслы.

Великое русское искусство, литература, философия, религиозная мысль, научная традиция — всё это образует духовный каркас нашей цивилизации.

Наш исторический опыт включает имперское строительство, великие катастрофы, советский индустриальный рывок, победу в Великой Отечественной войне, космический прорыв и драматическое преодоление постсоветского распада.

Впереди — мир, который пока не имеет названия. Сквозь грохот и скрежет рушащихся конструкций, сквозь тревожный шум великого геополитического перелома мы различаем нарастающий, роковой, звонкий голос грядущего.

Мы свою историческую миссию — выполним!

* Движение, признанное экстремистским и запрещённое в РФ

Андрей ФЕФЕЛОВ

БОИ В ПРОЛИВАХ

Каков алгоритм перехода к миру на Ближнем Востоке

МИНУВШАЯ декада вновь показала, что проливы Ближнего Востока, Ормузский и Баб-эль-Мандебский, становятся ключевым элементом как региональной геополитики, так и ситуации на мировом энергетическом рынке. Результатом нападения на Иран, безрассудно затеянного в феврале администрацией Трампа, стал абсолютный тупик. Иранская блокада Ормузского пролива не позволяет монархиям Персидского залива экспортировать свои углеводороды, но и сам Иран лишён возможности нефтяного экспорта из-за американской блокады. Между тем хуситы установили плотную блокаду Баб-эль-Мандебского пролива для саудовских танкеров и продолжают наступление на Таиз и Аден. С 1960-х годов и до настоящего времени экономическая ценность Ближнего Востока в глобальной экономике определялась его ролью кладовой и поставщика нефти и газа. Нефтегазовый фактор определял в течение долгого времени благополучие и расцвет экономик аравийских монархий, благодаря чему они превратились не только в экономических, но и в важных политических игроков. Изменится ли всё это или мы вскоре столкнёмся с качественно иной реальностью?

11 ноября главный иранский переговорщик, спикер меджлиса Мохаммед Багер Галибаф, заявил о том, что Ормузский пролив "никогда не вернётся" к довоенному статусу и Иран уже договорился с Оманом об управлении этим транспортным узлом. Двумя днями ранее президент США Дональд Трамп объявил о том, что цели войны достигнуты, но США будут и далее блокировать побережье Ирана. Наибольшую цену за блокаду Ормузского пролива платят динамично развивающиеся страны Восточной и Южной Азии. По данным Международного энергетического агентства, в 2025 году ежедневно через Ормузский пролив проходило 15 млн баррелей нефти. 44% этого количества предназначалось Китаю и Индии. Ближний Восток обеспечивал 93% нефтяного импорта Японии. Из них около 70% проходило через Ормузский пролив. Индия, Бангладеш и Пакистан импортировали через Ормуз две трети необходимого им сжиженного природного газа (СПГ). Цена барреля нефти марки "Брент" в ноябре стабильно держалась на уровне 92–94 доллара.

Настаивая на блокаде Ормузского пролива, иранское руководство полагает, что пошлины с иностранных судов, проходящих через его воды, могут компенсировать потери от отсутствия нефтяного экспорта самого Ирана, хотя это не совсем так. По сведениям агентства "Рейтер"*, Иран хочет брать с кораблей пошлины в размере 5–7% от стоимости груза, а Оман — 3%. Однако и судоходные компании в таком случае будут брать больше за свои услуги в ситуации риска. Риск же этот вызван тем, что Вашингтон не признаёт такой порядок, и угроза конфликта в проливе будет сохраняться.

Одновременно йеменские хуситы уверенно взяли контроль над Баб-эль-Мандебским проливом. С 16 ноября военная инициатива в Йемене окончательно перешла к движению "Ансар Аллах". Основные бои шли в районе Баб-эль-Мандебского пролива, в горных районах округа Аль-Мударба провинции Лахдж и на подступах к Адену. Поддерживаемые королевством вооружённые формирования оставили береговую полосу Красного моря от Зубаба до района Хор-Амиры, и хуситы, по оценке ряда арабских экспертов, взяли под контроль почти весь западный прибрежный сектор Йемена. Согласно заявлению международно признанного йеменского правительства, это было не отступление, а тактическая перегруппировка сил, но результатом стало беспорядочное бегство в некоторых районах, в результате чего в руки хуситов попало большое количество брошенного оружия.

Конечно, взять Аден, мегаполис с населением 1,2 миллиона человек, хуситам будет трудновато. Сложно будет и удержать его, учитывая давнюю враждебность южан к северянам. После подавления попытки отделения Южного Йемена в 1994 году правительство Али Абдаллы Салеха устроило на Юге режим дискриминации с массовым увольнением военнослужащих-южан и приватизацией собственности в пользу северных племён и кланов. Кроме того, в религиозном отношении жители Юга — не шииты-зейдиты, как хуситы, а сунниты-шафииты. Скорее всего, в ближайшее время будет продолжение хуситского наступления на Аден по двум осям с усилением давления на осаждённый Таиз. Падение самого Адена не очень вероятно, но сжатие периметра обороны и блокада путей снабжения вполне реалистичны. Если же Аден и Таиз, два крупнейших города на Юге каждый с населением более миллиона человек, падут, то, по мнению известного американского востоковеда профессора Хуана Коула, хуситам можно будет праздновать победу. Под их контролем окажется тогда не 75%, как сейчас, а 90% жителей Йемена. Кроме того, тот, кто завладел столицей, является победителем в войне.

19 ноября произошло ещё одно событие, крайне неблагоприятное для Саудовской Аравии. Ракета хуситов ударила по небоскрёбу Государственного фонда инвестиций в Эр-Рияде. Правда, пострадали только несколько этажей 80-этажного здания в саудовской столице, а стеклянный фасад и офисные помещения получили повреждения. Фонд располагает финансовыми активами в размере 1,2 триллиона долларов и финансирует все государственные экономические проекты, в частности заявленные в программе "Саудовское видение — 2030", которую курирует сам наследный принц Мухаммед бен Салман. Сюда относятся строительство умного города Неом, модернизация промышленности, создание новых логистических центров. Сама программа призвана освободить экономику королевства от односторонней нефтяной зависимости. Если учесть, что до этого, в начале ноября, была поражена штаб-квартира крупнейшей нефтяной компании "Сауди Арамко", то хуситы бьют по символам экономического могущества и благосостояния Саудовской Аравии.

Организационным выводом из такого военного тупика стала смена командующего Объединёнными силами, которые осуществляют антихуситские операции в Йемене. Вместо генерал-лейтенанта Фахда ас-Салмана им стал нынешний начальник генштаба Вооружённых сил Саудовской Аравии генерал-лейтенант Файяд бен Хамид аль-Рувайли. Это уже пятый командующий Объединёнными силами с 2015 года, когда началась война Саудовской Аравии против хуситов. Неизвестно, сможет ли новый командующий улучшить ситуацию на фронте. В Йемене нет саудовских сухопутных сил. Королевство воюет против движения "Ансар Аллах" руками своих прокси, а они сильно разобщены. В состав этих вооружённых формирований входят отряды сепаратистов из Южного переходного совета (ЮПС), партии "Ислах" (местные "Братья-мусульмане"**), Фронта сопротивления Тарика Салеха, "Бригады гигантов" и "Щита родины". Все они если не ненавидят друг друга, то относятся с большим подозрением. Так что пока они напоминают Лебедя, Рака и Щуку из крыловской басни.

Конфликт США с Ираном продолжается, что ведёт к гибели новых мирных жителей, теперь уже не только в Иране и Йемене, но во всех странах региона. Одновременно он существенно подрывает экономику как Ирана, так и аравийских монархий. Ничего хорошего в этом нет. Между тем алгоритм перехода к миру прост: переговоры и снятие санкций с Ирана и контролируемых хуситами территорий в Йемене. Блокада Ираном Ормузского пролива — это стремление защититься с помощью экстремального силового давления. Хуситам тоже удалось поставить под ружьё половину всех йеменских мужчин, потому что у них нет достойных возможностей зарабатывать мирным трудом. Однако складывается впечатление, что в интересы Вашингтона такой мир не входит.

* Вражье СМИ

** Террористическая организация, запрещённая в РФ

Александр КУЗНЕЦОВ